

Отзыв
официального оппонента доктора исторических наук,
профессора Журавлева Валерия Васильевича на рукопись
диссертации Колчинского Дмитрия Владимировича «Политическая
культура провинциального российского общества в 1917 году
(по материалам Тамбовской губернии)»,
представленной
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Проблемы политической (и добавлю – гражданской) культуры в историческом их аспекте в последние два с небольшим десятилетия начинают только осваиваться в отечественной историографии. Являясь, на мой взгляд, органической составной частью более широкого подхода к историческому прошлому. Подхода, который – с лёгкой руки основателей Школы Анналов во французской историографии (Марк Блок, Люсьен Февр) – стал называться антропологическим, предоставляя нам возможность не только рационально представить, но и эмоционально *прочувствовать* смысл и дух непосредственных событий и явлений прошлого.

Суть данного подхода, как известно, состоит в том, чтобы усматривать в Человеке главное мерило исторического процесса и исторического прогресса, а поступательное движение истории - с его неизбежными зигзагами, ожидаемыми и неожиданными поворотами - оценивать в первую очередь через внутренний мир погруженной в ту или иную эпоху Личности. И этим самым наглядно показать, что две исходные составляющие нашего бытия и сознания – Человек и История – взаимодействуют в неудержимом потоке времени по типу сообщающихся сосудов, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек – через Историю.

Нельзя не согласиться с автором защищаемой диссертации, что политическая (и снова добавлю – гражданская) культура представляет собой

«многогранное явление, исторически развивающийся феномен». Феномен, включающий в себя многозначную «систему ценностей, символов, верований и установок на политическое (и опять-таки – гражданское) действие».

Свою методологическую зрелость соискатель проявляет и в том, что не только провозглашает, но и воплощает в исследовательскую практику принцип недопустимости оценок каких бы то ни было явлений с позиций современных представлений. Речь в данном случае идет о бытующем в некоторых псевдоисторических публикациях тезисе о якобы неразвитости политической культуры российского общества эпохи революционных потрясений 1917 года. При этом в «неразвитость» часто зачисляется конкретно-историческое, ментальное и национальное своеобразие искомым явлений и процессов.

Тезис этот, кстати, доказательно опровергается не имевшим аналогов в тогдашней мировой электоральной практике феноменом Всероссийского Учредительного собрания. Явлением, блестяще исследованном в серии трудов и энциклопедии Л.Г. Протасова. Данные, знаковые для нашей современной науки, труды, как и ныне защищаемая диссертация ученика Льва Григорьевича, активно и действенно противостоят антиисторизму и пагубности до сих пор бытующего в нашей исторической публицистике (и не только, к сожалению, в ней) анахронизма. Этого, по определению Люсьена Февра, «смертного греха для историка», когда обращающийся к прошлому начинает приписывать ему современные ценности, морализировать и рассказывать, по существу, о самом себе, вместо того, чтобы заставить говорить людей другой эпохи.

Одно из достоинств рассматриваемого нами сегодня труда как раз и состоит в том, что автору в целом удачно удалось при решении проблемы политической культуры «заставить говорить» людей той эпохи, активно используя для этого серьёзную источниковую базу. Видное место в ней занимают впервые вводимые в научный оборот и опубликованные архивные источники, воспоминания и весьма своеобразная многоголосая периодика данной эпохи.

Диссертация имеет чёткую структуру: Введение, две главы, Заключение.

Главное внимание во Введении обращает на себя анализ автором степени изученности проблемы, наглядно подтверждающий его приоритетные позиции в *комплексной* разработке поставленной проблемы на материалах Тамбовской губернии 1917 года. Диссертанта отличает хорошее знание историографии вопроса в его общероссийском и региональном звучании, грамотная – одновременно объективная и критическая – оценка своих предшественников. Обращает на себя внимание отсутствие модного сегодня нигилистического (а подчас – и ёрнического отношения) к советской историографии. Взвешенно оцениваются и актуальные проблемы современного этапа научных разработок.

Если 1-ая глава диссертации раскрывает проблему в ракурсе анализа политической культуры в узком её понимании (на **институциональном** уровне познания), то глава 2-ая посвящена более широкому кругу проблем именно гражданской культуры, заключающей в себя **ориентационный** уровень познания, акцентирующий внимание на отношении людей к политическим и гражданским объектам. (О соотношении понятий политическая и гражданская культура скажем ниже).

Действительно новаторским можно признать содержание 4-го параграфа 2-й главы, посвященного таким формам самовыражения массовой политической культуры как новая революционная символика, ритуалы, верования, мифы, образы, т.е. всё то, что включалось Алмондом в систему психологических параметров искомого понятия и явления. И что обобщённо отражается в таких категориях как «национальный характер», «национальная психология», «фундаментальные ценности нации», «национальный дух» и т.д. Дальнейшая разработка данных сюжетов представляется весьма перспективной.

Переходя к **замечаниям и предложениям**, хочу отметить в первую очередь нижеследующее.

Есть основания солидаризироваться с Дмитрием Владимировичем Колчинским в том, что локализация объекта и предмета его исследований

временем Великой российской революции 1917 года – мимолётным по масштабам истории, но бездонным событийно – позволяет сочетать преимущества конкретного исследования с возможностями широкого обобщения.

Автору удалось в полную меру реализовать первую – конкретно-историческую - часть провозглашённого им подхода. Что заставляет утверждать, что цели и задачи диссертации можно считать выполненными. Но у него остаётся ещё немалый потенциал для того, чтобы в дальнейшей своей работе найти новые возможности для более широкого обобщения уже накопленного материала.

Обращаясь к теории вопроса, соискатель вскользь упоминает книгу американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы. Фиксируя «отсутствие единой трактовки понятия», ссылается на истолкования исходной дефиниции, данные К.С. Гаджиевым и Ю.С. Пивоваровым.

«За бортом», кстати, остаются труды пожалуй самого глубокого из отечественных теоретиков феномена «политической культуры» - профессора МГУ А.И. Соловьёва, обратившегося к разработке вопроса ещё 20 лет назад (см. Соловьёв А.И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник Московского университета. 1995, № 4-5). Но главное – отсутствует указание на то, какое из ныне существующих истолкований диссертант берёт за основу, «путеводную нить» своего конкретно-исторического анализа (частично данный пробел восполняется трактовкой автором предмета исследования).

Далее, хочу обратить внимание на то, что книга американских исследователей Алмонда и Вербы носит название «Гражданская культура (The Civic Culture)», что ставит вопрос (многими игнорируемый) о соотношении понятий «гражданская культура» и «политическая культура». Самый эффективный путь выявления этого соотношения заключён именно в конкретно-историческом подходе. Введённые в научный оборот диссертантом материалы заставляют полагать, что дефиниция «гражданская культура» -

понятие более широкое, включающее в себя, помимо политической, также мировоззренческую и собственно гражданскую (в широком понимании) составляющие. Думаю, что в ходе дальнейшей работы автору предстоит ещё со все этим разобраться на конкретно-исторической основе.

Многое для углублённого понимания сути рассматриваемых автором исторических реалий может дать непосредственное обращение к проблеме типологии политической культуры. Г. Алмонд, как известно, выделяет три основных её типа – патриархальный, подданныческий и участия (в отличие от используемой автором двухчленной характеристики М. Вебера: «культура участия» и «культура подчинения»).

Диссертант лишь обозначает эту проблему, не называя даже предлагаемых Алмондом типов, но справедливо утверждая, что «не существует «чистых» типов политической культуры даже в границах отдельно взятой страны». Но самое главное, что, на мой взгляд, ещё предстоит сделать исследователю в ходе дальнейшей работы, заключается в следующем: попытаться установить присущие различным социальным слоям и политическим силам провинциального российского общества реальные соотношения трёх описанных Г. Алмондом типов политической культуры в их эволюции от нараставшего этапа к этапу революционного процесса 1917 года.

Можно, вероятно, утверждать, что феномен Учредительного собрания даёт нам уникальный пример (при всей сложности и неоднозначности электорального процесса) проявления той или иной культуры участия всех социальных и политических сил как общероссийского, так и провинциального социума: «от монархистов, до анархистов». То же самое, судя по всему, можно сказать для периода с марта по октябрь о либеральной интеллигенции и, может быть, средних слоёв. Их культура участия, в которой, согласно Габриэлю Алмонду, «политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу» (см. главу 11 труда Алмонда и Вербы), носит в целом позитивный по отношению к установившемуся в ходе Февральской революции политическому и общественному строю. Культура

участия левых, революционных сил, стоявших на позиции эскалации революционного процесса, пронизана стремлением привести не устраивавшую их политическую структуру общества в соответствие с их политическими представлениями. Но сделать это чисто конфронтационными, подчас агрессивными действиями и методами.

Особенно интересно будет детально проследить, как и в каких соотношениях менялась политическая культура основной социальной категории провинции - крестьянства (до 90% тамбовского социума) в плане соотношения и взаимодействия в ней элементов культуры патриархальности, подданничества и участия по мере нарастания революционной волны.

Доведение подобного рода работы до логического конца позволит автору, в том числе, доказательно аргументировать уже описанное им важное явление, указывающее на то, что политический компромисс на провинциальном уровне был более вероятным и предопределённым в сравнении его с ситуацией на столичном уровне.

Всё сказанное выше не является каким либо укором автору, но лишь подчёркивает плодотворность уже проделанного им пути в плане открывающихся перспектив дальнейшей работы над темой.

Замечания, высказанные в адрес диссертанта, как видим, носят в основном характер размышлений и предложений, ориентированных на дальнейшую реализацию уже накопленного автором исследовательского потенциала. Они не только не колеблют положительной оценки представленного труда, но подтверждают и укрепляют её, свидетельствуя о конструктивном характере пройденного диссертантом исследовательского пути.

Автореферат диссертации и публикации автора полно и адекватно отражают её содержание. Статьи, опубликованные Д.В. Колчинским в рецензируемых изданиях по списку ВАК вполне соответствуют статусу данных изданий.

Подводя общий итог, есть все основания заключить, что диссертация на тему «**Политическая культура провинциального российского общества в 1917 году (по материалам Тамбовской губернии)**» является законченной научно-квалификационной работой, решающей исследовательски значимую научную проблему, имеющую значение для развития исторической науки. Её автор – **Колчинский Дмитрий Владимирович** – в соответствии с пунктом 9 «**Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней**» от 24 сентября 2013 г. № 842 заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

**Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
профессор**

В.В. Журавлев

**Подпись руки
ЗАВЕРЯЮ**

07апреля 2015 года.

*Подпись удостоверяю
И.В. проректора по
научной работе МГУ*

Почтовый адрес: 117465 Москва,

Ул. Тёплый Стан, д. 11, корп. 2, к

Тел. 8 495 337 81 69

E-mail: Kaf – nnir@mgou.ru